

лярно употребляемое расчленённое наименование, трансформируясь в нерасчленённое, приобретает экспрессивность. Однако частота и длительность употребления отаббревиатурных производных лишает его экспрессивности, переводя в разряд узуальных слов.

О полноправном вхождении отаббревиатурных слов в лексическую систему современного русского языка свидетельствует развитие омонимии, синонимии, антонимии в процессе их функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – М.: Русский язык, 2010. – 346 с.

2. Бойков В.И. Инициально-буквенные аббревиатуры как производные слова в современном русском языке [Текст] / В.И. Бойков // Русское языкознание. – Киев: Наука, 1983. – С. 75 – 79.

УДК 416

Сычёва Е.Н.

(Брянск, Российская Федерация)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ «МОЛЧАНИЕ – ГОВОРЕНИЕ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

У даній статті розглядається фразеологія Ф.І. Тютчева, що відбиває функціонування семантичної кореляції «мовчання - говоріння». Мова йде про структурні і смислові особливості поетичних фразеологізмів, що включають лексичні компоненти зі значенням вербального спілкування і замовчування, а також розумових процесів.

Ключові слова: поетична фразеологія Ф.І. Тютчева, семантична кореляція «мовчання - говоріння», семантика стійких сполучень, структурні особливості ФЕ, «слово» як компонент фразеологічних одиниць.

В данній статтє рассматривается фразеология Ф.И. Тютчева, отражающая функционирование семантической корреляции «молчание – говорение». Речь идет о структурных и смысловых особенностях поэтических фразеологизмов, включающих лексические компоненты со значением вербального общения и умолчания, а также мыслительных процессов.

Ключевые слова: поэтическая фразеология Ф.И. Тютчева, семантическая корреляция «молчание – говорение», семантика устойчивых сочетаний, структурные особенности ФЕ, «слово» как компонент фразеологических единиц.

In this article F.I. Tyutchev's phraseology reflecting functioning of semantic correlation «keeping silent – talking» is considered. The author examines the question of structural and semantic features of the poetic phraseological units including lexical components with the meaning of verbal communication and keeping silent as well as thinking processes.

© Сычёва Е.Н., 2012

Key words: *F.I. Tyutchev's poetic phraseology, semantic correlation «keeping silent – talking», semantics of set units, structural features of PU, “word” as a component of phraseological units.*

Общение человека в социуме реализуется посредством различных коммуникативных процессов, обладающих своими способами, особенностями и мотивацией. *Говорение* – вербальный способ – выступает как основной. Невербальные (жесты, мимика) чаще всего представляют собой дополнительные способы сообщения информации. К данной категории можно отнести *молчание*, выражающее, с одной стороны, отрицание говорения, с другой, - являющееся способом невербального говорения.

«Совершенно особым объектом в ряду звуковых знаков оказывается голос человека, наделяемый несравненно более широким спектром значений и магических функций, чем звуки вообще» [1: 9]. В процессе возникновения человеческой речи происходило непрерывное взаимодействие общения словесного и бессловесного, а «в истории культуры сложилось тождество между говорением и действием, и потому молчание понимается как действие, заключающееся в отказе от говорения» [2: 29-30]. В связи с этим есть основание говорить о *словесном молчании*, т.е. отсутствии говорения, и *абсолютном молчании*, т.е. отсутствии информативных вербальных и невербальных импульсов. Неразрывная связь между молчанием и говорением заключается в *семантической корреляции*, т.е. «взаимной связи, соотношении» [3: 298], между данными категориями.

«В природе творящей и природе сотворенной» [4: 6], отраженной в поэтической фразеологии Тютчева как неотъемлемой части его идиостиля, проявляется со всей полнотой акт речевой коммуникации. Тютчевские образы воплощаются в первую очередь посредством идеи, которая «как бы всецело ушла в мысль, в чисто духовную работу» [5: 344-345]. А мышление – это стимул для коммуникативной активности, выражающейся посредством говорения, реже – молчания. В связи с этим семантическая корреляция *молчание – говорение* находит свое отражение и в поэтических фразеологизмах Ф.И. Тютчева. Эти ФЕ рассмотрены в данной статье.

Массив тютчевской фразеологии включает большое число идиоматических единиц с лексемой *слово* в качестве структурного компонента. Слово является проводником любой мысли. «Символическое употребление слова может быть сформировано в конкретном тексте (или многих текстах одного автора), а может привноситься в текст из культуры [6: 204]. Поэтому целесообразно говорить о том, что фразеологизмы с данной лексемой в полной мере отражают говорение как таковое. По мнению А.Л. Голованевского, «двуплановый (абстрактный-конкретный) характер употребления знака *Слово* дифференцированно закрепился в русской идиоматике и синтагматике», оно функционирует в устойчивых выражениях, способствует возникновению «устойчивых номинативных метафорических сочетаний с оценочным атрибутивным компонентом» [7: 12].

Фразеологизмы, вычлененные из поэтических текстов Ф.И. Тютчева, в образовании которых участвует лексема *слово*, подразделяются по своей структуре на следующие группы [8: 73-74]:

а) *Субстантивные*, где приведенная лексема является стержневой, а устойчивые сочетания образуются за счет метафорической образности эпитетов в совокупности с контекстуальными коннотациями (*Евангельское слово, живое слово, заветное слово,*

многозначительное слово, последнее слово, торжественное слово). К данному типу ФЕ отнесем и *словеса святые*.

б) *Глагольные*, имеющие в качестве стряжневого слова глагол, управляющий словоформой лексемы *слово* (*верить слову, дать слово, класть слова*).

в) *Адъективные*, соотносимые с прилагательным, в данном случае – с причастием (*наделенный даром слова*).

г) *Модальные*, эквивалентные данной части речи, в данном случае – падежная словоформа, фиксирующаяся в словаре в качестве вводного слова [3: 731] (*словом*).

Помимо ФЕ с лексемой *слово* в структурно-семантическом составе в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева обнаружены фразеологизмы, обладающие иным составом и отражающие смысловые связи семантической корреляции *молчание - говорение*. Среди них выделены следующие структурные типы: а) субстантивные (*глас вопиющего в пустыне, мыслящий тростник*), б) глагольные (*вести беседу, гласить много славы, говорить стихами, давать клятвы, прийти на мысль, держать совет, знать не знает, сорваться с уст, ты скажешь*). Второй тип ФЕ особенно характеризует коммуникативную деятельность, поскольку глагол как часть речи по своей сути является носителем процессуальности, а «глаголы восприятия, мышления и говорения представляют собой организованную систему» [9: 67].

Обратимся к каждой из групп. Субстантивные ФЕ, обладая структурным сходством, дифференцированы семантически.

Так, ФЕ *Евангельское слово* – это фраза из Евангелия [10: 719-720]: *...Учило нынче нас евангельское слово В своей священной простоте...* [11: 244].

ФЕ *живое слово* имеет значение «произнесенное слово или фраза, отличающаяся глубиной содержания и своей формой» [10: 720]: *Но если вдруг живое слово С их уст, сорвавшись, упадет... О, как в нем сердце пламенеет!* [11: 147]. Данный фразеологизм фиксируется в других лексикографических источниках как полисемант, например в ФСРЯ: «1) устная речь в отличие от письменной; 2) речь, содержащая свежие интересные мысли, волнующая и трогаящая слушателя» [12: 432].

Фразеологизм *заветное слово* фиксируется в ПСТ в значении «слово или фраза, хранящаяся в памяти народа» [10: 720]: *Скажи заветное он слово – И миром новым естество Всегда откликнуться готово На голос родственный его* [11: 151].

Многозначительное слово обладает значением «фраза, речь, текст, имеющие важное значение для кого-либо» [10: 720]: *Многозначительное слово Тобою оправдалось вновь: В крушении всего земного Была ты – кротость и любовь* [11: 261].

ФЕ *последнее слово* в ПСТ имеет значение «фраза, речь, поставившая точку в споре, дискуссии» [10: 720]: *Последнее в борьбе суровой Теперь лишь высказано слово... То слово русского царя* [11: 258]. Данный фразеологизм зафиксирован в СТСРП со значением «успех, победа» [13: 23]. ФСРЯ дает такую дефиницию данной ФЕ «самое высшее (техническое, научное и т.п.) достижение, открытие» [12: 432].

Торжественное слово в поэтических текстах Ф.И. Тютчева встречается, означая «слова, произнесенные царем в публичной речи, вошедшие в народную память» [10: 720]: *Хотя б она сошла с лица земного, В душе царей для правды есть приют. Кто не слышал торжественного слова? Века векам его передают* [11: 230].

ФЕ *Слова святыя* имеет в качестве опорного компонента устаревшую форму множественного числа, восходящую до унификации типов склонения к существительному с основой на согласный. Ныне данная форма приемлема либо в поэтизированной, возвышенной речи, либо для создания иронического эффекта. Это зафиксировано в словарях в качестве стилистических помет, к примеру: «*Слова (устар. и ирон.)*. Слова, речь» [3: 730]. Слова, произнесенные Кириллом перед смертью Мефодию как завещание продолжать дело служения славянам [10: 720], в поэтических текстах Ф.И. Тютчева приобрели метафорическую образность, получили дополнительные семантические коннотации фразеологического характера: *И в свой черед, как он, не довершив труда, ...и слова святыя Его вспомянув, воскликнем мы тогда: «Не изменяй себе, великая Россия!»* [11: 242].

Глагольные ФЕ с лексемой *слово* в структуре представлены такими фразеологизмами у Тютчева.

Верить слову имеет значение «верить обещанному, сказанному...» [10: 719]: *Верь слову русского народа...* [11: 120]. В других лексикографических источниках встречается вариативная форма данной ФЕ с идентичным значением: в ФОСРЯ *верить на слово (кому-л.)*, т.е. «считать чье-либо высказывание правдой, не требуя доказательств в его истинности и не предпринимая никаких действий по его проверке» [14: 504-505]; в СТСРЯ *верить на слово (кому-л.)* фиксируется в нескольких значениях и означает «честность, откровенность, искренность», «обещание», «доверчивость, доверие, веру» [13: 16-18]; в ФСРЯ *верить (поверить) на слово* – «полагаясь на чьи-либо заверения, без подтверждения фактами, доказательствами» [12: 432].

Фразеологизм *дать слово* в стихотворениях Тютчева обозначает «обещать кому-либо что-либо, поклясться» [10: 719]: *...Во имя вашего отца Дадим же мы друг другу слово: Не изменяться до конца* [11: 225]. В других словарях имеется фразеологический оборот *давать (дать) слово*, в первом значении обозначающий «клятвенно уверять кого-либо в чем-либо, обещать что-либо» [12: 125].

ФЕ *кладь слова* в поэтических текстах Ф.И. Тютчева встречается в значении «делать надписи на чем-либо» [10: 294]: *На гробовой его покров Мы, вместо всех венков, Кладем слова простые...* [11: 227].

Фразеологизм адективного типа в поэзии Ф.И. Тютчева *наделенный даром слова* имеет значение «талантливый поэт», и в данном случае речь идет о Байроне [10: 720]: *Зачем, о сын Камены, Любимейший, – ты, наделенный даром Неугасимо-пламенного слова, Зачем бежал ты собственного крова...* [11: 94].

Модальная ФЕ *словом* фиксируется в стихах Тютчева со значением «без лишних слов, коротко говоря» [10: 720]: *...Москве предоставляя в дар Учтивейшего из татар, ... Ну, словом, лучшего из той среды...* [11: 275]. В других лексикографических источниках данная ФЕ встречается как часть компонентного состава, расширенного другими лексемами. В ФСРЯ находим два устойчивых сочетания *одним словом* – «короче говоря» и *словом сказать* – «итак, короче говоря» [12: 432, 427]. В СТСРЯ размещен фразеологизм *одним словом*, обладающий обобщенной семантикой «говорения» [13: 16].

Рассмотрим другие ФЕ, зафиксированные в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и обладающие семантикой говорения.

Так, «совмещение двух начал – звукового и речевого – активнее всего наблюдается в семантике лексем *голос* и *глас*, выражающих источник звука» [15: 159]. Отсюда возни-

кает идиома субстантивного типа *глас вопиющего в пустыне*, процитированная во всех четырех евангелиях и восходящая к библейскому выражению (кн. Пророка Исаии, 40.3) [11: 408]. Данная ФЕ имеет значение «то, что остается без ответа; о безответном призыве; бесполезный призыв, обращение в пустоту» [10: 121]: *...Все безответен и поныне Глас вопиющего в пустыне...* [11: 220]. СТСРИ определяет приведенный фразеологизм как «одинокство» [13: 20]. В ФСРЯ находим: *глас вопиющего в пустыне* – «книжн. Напрасный призыв к чему-либо, остающийся без ответа, без внимания» [12: 107].

Субстантивная ФЕ *мыслящий тростник* возникла в поэзии Тютчева из образа, восходящего к афоризму Б. Паскаля, французского философа, писателя, математика: «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но эта **тростинка мыслящая**» [10: 389]: *И отчего же в общем хоре Душа не то поет, что море, И роищет мыслящий тростник?* [11: 220].

Рассмотрим ФЕ, относящиеся к глагольному типу. По мнению Атамановой, «класс глагольных лексем, характеризующих внешнюю сторону речи, в лирике Ф.И. Тютчева группируется вокруг лексем *говорить* и *сказать*», в большей мере предполагающих передачу «смыслового содержания, выражения эмоций, речевого взаимодействия и контакта» [15: 161].

ФЕ *вести беседу* в ПСТ имеет значение «общаться» [10: 91]: *Одни зарницы огневые... Ведут беседу меж собой* [11: 223].

Фразеологизм *гласить много славы* фиксируется в ПСТ в словарной статье к лексеме *слава* [10: 711], являющейся общеславянской и имеющей тот же корень, что и *слыть*, *слово*, но с перегласовкой [16: 414-415]: *Много славы, много горя Эта нить порой гласит* [11: 191].

Стихотворное начало находит свое отражение во фразеологизме *говорит стихами* – «произносить речь, используя стихотворные строки» [10: 761]: *Прими ж мой дружеский совет (Оракул говорил стихами И убеждал, бывало, свет)...* [11: 62]. Своеобразной реминисценцией к данной ФЕ являются слова поэта Серебряного века В.В. Маяковского в «Письме Татьяне Яковлевой»: *Страсти корь Сойдет коростой, Но радость Неиссыхаемая, Буду долго, Буду просто Разговаривать стихами я* [17].

Давать клятвы является фразеологическим описательным оборотом к лексеме «клясться» [10: 296]: *Здесь клятвы он дает священны...* [11: 54]. Такая же ситуация складывается с тютчевским фразеологизмом *держат совет* со значением «советовать» [10: 735]: *Так вышние силы свой держат совет!* [11: 51].

ФЕ *прийти на мысль* имеет значение «задумать, решить что-либо» [10: 389]: *Тебе, болящая в далекой стороне, Болящему и страждущему мне Пришло на мысль отправить этот стих...* [11: 272]. Данный фразеологизм зафиксирован в других лексикографических изданиях: *прийти (приходить) на мысль [на ум, на разум] кому.* в ФСРЯ имеет три значения «1) возникать, появляться в сознании кого-либо; 2) думать, представляться, доходить до сознания кого-либо; 3) хотеть, желать, намереваться и т.п.» [12: 359-360].

ФЕ *сорваться с уст* означает «внезапно, неожиданно для себя и других произнести какое-либо слово (слова), фразы» [10: 862]: *Но если вдруг живое слово С их уст, сорвавшись, упадет, ...О, как в нем сердце пламенеет!* [11: 147]. Данная ФЕ в поэзии Ф.И. Тютчева образуется за счет контаминации путем объединения двух различных узуральных фразеологизмов: *сорваться (срывать) с языка* – «невольно, неожиданно, вдруг

быть произнесенным. О слове, выражении и т.п.» [12: 450] и *из уст кого, чьих* – «от кого-либо (узнавать, слышать и т.п.)» [12: 498].

Тютчевский фразеологизм *знать не знает* в значении «полная неосведомленность. Ничего не известно» [10: 257] представляет собой простое сказуемое по синтаксической роли в поэтическом тексте автора и имеет особенность – усложнение за счет повторения лексемы с отрицательной частицей *не*: *Природа знать не знает о былом, Ей чужды наши призрачные годы...* [11: 261]. СТСРП приводит семантическое тождество: *знать не знает* – *ведать не ведает* со значением «незнание, непонимание, неизвестность» [13: 18].

Как аналог вводного выражения «по-твоему» в поэзии Тютчева выступает ФЕ *ты скажешь* [10: 703]: *Ты скажешь: ветренная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба, Смяясь, на землю пролила* [11: 77]. В общеязыковых лексикографических источниках данная ФЕ не фиксируется.

Все рассмотренные выше фразеологизмы Тютчева отражают *говорение* в семантической корреляции *молчание* – *говорение*. *Молчание* также лаконично вписывает в авторскую концепцию мира, хотя оно семантически «и предполагает отрицание звука, беззвучие». Программным стихотворением «к выявлению умолчания» является «*Silentium!*» («Молчание!») (лат.) [11: 106], написанное не позднее 1830 г. и опубликованное впервые в газете «Молва» в 1833 г., «где от строфы к строфе меняется семантика самой лексемы *молчать*». Известно, что это поэтическое произведение было любимым стихотворением Л.Н. Толстого [18: 279]. Молчание занимает «определенное место в парадигме звукообозначений и получает отражение в пространственно-временной характеристике поэтического мироздания» [15: 165-174]. Стихотворение «*Silentium!*» своей афористичностью и семантикой *молчания* дополняет говорение в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева. Несмотря на семантическое сходство, необходимо дифференцировать афоризмы и фразеологизмы. Основным различительным фактором, по мнению Г.Л. Пермякова, является семантическая соотнесенность фразеологизма со словом, а афоризма – с предложением [19: 5–7, 10–11]. В данном стихотворении практически каждая строка является афоризмом, но среди них есть наиболее полно отражающие семантику *молчания*, например:

Мысль изреченная есть ложь – данный афоризм противопоставляет две философские категории «мышление» и «речь», предпочитая первое второму. Это связано с тем, что все семантические единицы разговорной речи обладают разнообразными коннотациями, связаны контекстуальными или ситуативными узами, что зачастую приводит к неточностям в оформлении мыслей.

Лишь жить в себе самом умей – речь идет о внутреннем говорении при внешнем молчании, о мире сокровенных мыслей, находящемся внутри каждого человека, где можно позволить себе высказаться, при этом сохранив молчание в «наружном шуме».

Следует заметить, что молчание как компонент семантической корреляции *молчание* – *говорение* во фразеологии и афористике Ф.И. Тютчева отражается и в других поэтических текстах. Например, в стихотворении «Нам не дано предугадать...» [11: 242]: *Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...* Речь идет о неподвластности человеку-говорящему восприятия языкового знака слушающим и оценивающим сказанное или написанное. Этот афоризм, возможно, в какой-то своей семантической части соприкасается с другим речевым: «речь – серебро, молчание – золото». В данном примере

наблюдается и расширение семантики: слово здесь означает целое высказывание. Поэт говорит о том, что наши суждения могут обернуться против нас.

Таким образом, в поэзии Тютчева речь активная и пассивная фиксируется во фразеологических оборотах и афористической мудрости. В данных контекстах можно проследить функционирование фразеологических единиц, входящих в семантическую корреляцию *молчание – говорение*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая С.М. Звуковой код традиционной народной культуры / Мир звучащий и молчаливый: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Издательство «Индрик», 1999. – 336 с. – С. 9-16.

2. Ковшова М.Л. Концепт «Молчание» в «идиоматическом тексте»: к постановке вопроса // Фразеология: вчера, сегодня, завтра. – Тула, 2011. – 126 с. – С.28-33.

3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: «А ТЕПМ», 2004. – 944 стр. (СО).

4. Гиршман М.М. Стиль и поэтическое словообразование в лирике Ф.И. Тютчева // Литературоведческий сборник: творчество Ф.И. Тютчева: филологические и культурологические проблемы изучения. Вып. 15–16. – Донецк: ДонНУ, 2003. – С. 6–15.

5. Кожин В.В. Тютчев // История всемирной литературы: В 9 томах. – М.: Наука, 1989. – Т. 6. – С. 344–349.

6. Гехтляр С.Я. Русское слово в контексте духовной культуры. Монография. – Брянск: «Курсив», 2009. – 336 с.

7. Голованевский А.Л. Концепт «Слово» в религиозном, лексикографическом и художественном дискурсе / Русское слово в языке и речи: Доклады Общероссийской конференции / Под ред. докт. филол. наук, проф. А.Л. Голованевского. – Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. – 428 с. – С. 7-13.

8. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч.1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.

9. Глинка Е.В. Система глаголов восприятия, мышления, говорения и ее отражение в поэзии Ф.И. Тютчева / Поэтическое наследие Ф.И. Тютчева: Литературоведение, лингвистика, методика: Материалы Юбилейной международной научно-практической конференции / Под ред. докт. филол. наук Антюхова А.В., докт. филол. наук, проф. Голованевского А.Л. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003. – 302 с.

10. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – 962 с. (ПСТ).

11. Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. Вступительная статья Н.Я. Берковского; Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. – Л.: Советский писатель, 1987. – 448 с.

12. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с. (ФСРЯ).

13. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева [и др.]; под редакцией А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135, [1] с. (СТСРИ).

14. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О. и др.; под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с. (ФОС-РЯ).

15. Атаманова Н.В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И. Тютчева. – Брянск: ООО «Ладомир», 2012. – 215 с.

16. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. – М., «Просвещение», 1975. – 543 с.

17. URL (Русская поэзия. Владимир Маяковский. Письмо Татьяне Яковлевой): <http://guroem.ru/mayakovskij/v-pocelue-ruk.aspx>

18. Чагин, Г.В., Ремизов, В.Б., Козьмина, М.А. Ф.И. Тютчев и Л.Н. Толстой. Два гения / Г.В. Чагин, В.Б. Ремизов, М.А. Козьмина. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006.

19. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения // Лингвострановедческий словарь. Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М., Издательство «Русский язык», 1979.

УДК [811.111 + 811.161.2]’ 371

Олексин О.Ю.

(Івано-Франківськ, Україна)

СТРУКТУРА ТА ОСОБЛИВОСТІ АСОЦІАТИВНОГО МОДЕЛЮВАННЯ КОНЦЕПТІВ «ЧАС» І «ПРОСТІР» У СВІТЛІ ПСИХОЛІНГВІСТИЧНОГО ЕКСПЕРИМЕНТУ (на матеріалі фразеологічних одиниць)

Стаття присвячена аналізу семантики концептів «час» та «простір» та спробі інтерпретації даних концептів із застосуванням методу лінгвістичного асоціативного експерименту. Шляхом проведення ланцюгового асоціативного експерименту та методу квотної вибірки, проаналізовано особливості побудови моделей асоціювання, визначені ядро та периферія вищезазначених концептосфер.

Ключові слова: *концепт, моделі асоціювання, асоціативний експеримент, психолінгвістика, мовна свідомість.*

Статья посвящена анализу семантики концептов «время» и «пространство», а также попытке интерпретации данных концептов с применением метода лингвистического ассоциативного эксперимента. Путем проведения цепного ассоциативного эксперимента и метода квотной выборки, проанализированы особенности построения моделей ассоциирования, определены ядро и периферия вышеупомянутых концептосфер.

© Олексин О.Ю., 2012